

УДК 101.1:316

ВИРТУАЛЬНАЯ ИНТЕРСУБЪЕКТИВНОСТЬ: СОЦИАЛЬНЫЙ И ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНЫЙ АСПЕКТЫ АНАЛИЗА

Соколова Дина Михайловна

Саратовский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского

В статье рассматриваются феномены виртуального субъекта и виртуальной intersubjectivity. Для анализа современного общества автор применяет категории, введенные в философию Э. Гуссерлем и его последователем А. Шюцем. Понятие intersubjectivity было использовано Э. Гуссерлем для объяснения возможности взаимодействия между отдельными индивидами — монадами. А. Шюц продолжил работу в этом направлении и адаптировал предложенную Э. Гуссерлем концепцию к анализу социальной реальности.

Сегодня специфика социальных коммуникаций меняется. Поэтому категориальный аппарат феноменологии нуждается в корректировке. Один из трендов современности — виртуализация. Отличительной чертой виртуализации социального в информационную эпоху является значительная трансформация фундаментальных основ общественного бытия: например, в виртуальном мире получает развитие новый принцип сетевой организации, применимый и для социальных структур, существующих за пределами виртуальной реальности.

Ключевые слова: intersubjectivity; substantiality; intersubjective sociality; substantial sociality; communication; social communication; virtual subject; virtual intersubjectivity.

VIRTUAL INTERSUBJECTIVITY: THE SOCIAL AND EXISTENTIAL ASPECTS OF THE ANALYSIS

Dina M. Sokolova

Saratov State University named after N.G. Chernyshevsky

In this article the phenomena of virtual subject and virtual intersubjectivity are considered. For the analysis of modern society the author applies to the categories introduced into philosophy by E. Husserl and his follower A. Schutz. The concept of intersubjectivity has been used by E. Husserl to explain the interaction between individuals — monads. A. Schutz continued working in this direction and adapted this concept to the analysis of social reality.

Today the specifics of social communications are changing. Therefore, the categorical system of phenomenology needs to be adjusted. One of the contemporary trends is virtualization. The significant transformation of the fundamentals of social life is a distinctive feature of virtualization of the sociality in the information period. For example, a new principle of network organization is being developed in the virtual world. Now this principle is extended to the social structures that exist in reality.

Key words: intersubjectivity; substantiality; intersubjective sociality; substantial sociality; communication; social communication; virtual subject; virtual intersubjectivity.

Один из извечных вопросов философии может быть сформулирован следующим образом: как возможно сообщество индивидов? При этом его обратной стороной будет проблема самоопределения человека, ибо подлинная философская наука об обществе невозможна без поиска онтологических оснований его бытия и бытия входящих в него субъектов. К сожалению, необходимо

признать, что современная философия не обладает инструментарием, позволяющим описать все богатство социальных явлений, с которыми мы сталкиваемся ежедневно. Сложность заключается в том, что, не уделяя достаточного внимания разработке адекватной методологии, она погружается в эмпирическую сферу и описательность, в то время как в ее задачу входит, в первую очередь,

разработка категориального аппарата, который позволит осмыслить происходящее.

Онтологическая сущность общественного бытия обусловлена спецификой социального, которое «есть не только объективная данность, обуславливающая индивидуальное сознание и поведение, но и определенным образом интерпретируемая людьми реальность» [4, с. 88]. В современном обществе значимость этих семиотических составляющих увеличивается в геометрической прогрессии.

Новые технологии, входящие в повседневный обиход, с неизбежностью меняют общественное устройство и характер межличностных взаимодействий — это утверждение уже стало общим местом, но оно до сих пор не отрефлектировано в должной мере. Важно отметить, что эти новшества определяют и наше восприятие действительности, и наше мышление. Хаотично возникающие социальные связи влияют на траекторию жизни индивида, социальной группы, а иногда и целых государств. Современный человек оказывается безоружен перед захватывающей его сетью глобальных коммуникаций и лавинообразно распространяющейся информации, не знает, как воспринимать эту реальность. Даже те, кто считает, что он не включен в эти процессы и продолжает жить как раньше, испытывает на себе их влияние, хотя, возможно, и не осознает этого.

В новой социальной реальности действуют особые законы, изучение которых составляет предмет современной гуманитарной науки. Казалось бы, что общего между стихийными толпами митингующих, организованными невидимым лидером, о котором известен только его никнейм, и сообществами людей, «живущих» в чатах и социальных сетях? Принципы, согласно которым функционирует общество, универсальны и, разные в своих проявлениях, они действуют единообразно.

В социальной онтологии можно выделить две модели устройства общественного бытия. Одна из них — субстанциональная — акцентирует внимание на первичности социальной реальности по отношению к индивиду и ее автономности. Она предполагает, что социальность является эманацией реальности иного порядка. Другая — интерсубъективная — утверждает, что социальность создается индивидами. Такие категории, как «интерсубъективность», «интерактивность», «интертекстуальность», «коммуникативность», описывают сущностные особенности понимания социальной реальности в интерсубъективной концеп-

ции, рассматривающей общественное бытие сквозь призму понятия «бытие-становление».

Последняя модель оказывается более востребованной в современной социальной философии, так как больше подходит для описания любого явления в его динамике, а изменчивость в настоящий момент является одной из главных характеристик всех социальных процессов современности. Ключевое понятие интерсубъективности в философский глоссарий было введено основоположником феноменологии Э. Гуссерлем как раз в качестве попытки объяснить, как разрозненные сознания могут взаимодействовать между собой и как отдельные индивиды могут образовывать единое целое.

Конституция объективного мира, согласно Э. Гуссерлю, начинается с конституции Другого и других как множества монад, сосуществующих в гармонии. Трансцендентальное *его* при этом воспринимается как *его*, «обладающее опытом мира в себе самом, указывающее на гармоническую согласованность мира» [2, с. 260]. Трансцендентальная интерсубъективность существует только благодаря размышляющему *его*, она конституируется из источников интенциональности таким образом, что в «интенциональных переживаниях каждого отдельного человека присутствует одна и та же трансцендентальная интерсубъективность» [7, с. 188]. Эта интерсубъективность «конституирована для меня чисто во мне, в размышляющем *его*, и только из источников, принадлежащих моей интенциональности, но конституирована как такое сообщество, которое конституировано и в каждой другой монаде... как то же самое сообщество, только в другом субъективном модусе явления...» [2, с. 249].

Каждая группа монад, или социальная общность, обладает своей интерсубъективностью, но их интерсубъективности не изолированы друг от друга. Они объединены мыслящим их Я. Поэтому в действительности может существовать только одно сообщество монад — сообщество, объединяющее все существующие монады. Интерсубъективность следует понимать как универсальную основу коммуникации и социальных общностей, которая делает возможным как взаимопонимание Я и Другого, так и существование человечества как единого целого. Другой и различные его воплощения (Ты, Мы, Они) — это интерсубъективные модификации Я. «Трансцендентальное “Я”, с одной стороны, совершенно уникально и лично не склоняемо. Но в отношении *самого себя* оно проявляет трансцендентальную склоняемость пу-

тем присущего ему особого акта конституирования, и тем самым оно конституирует из самого себя и в самом себе трансцендентальную intersубъективность...» [5, с. 73]. Однако этим допущением Э. Гуссерль едва ли разрешает проблему объяснения того, как замкнутые на себе монады могут взаимодействовать между собой.

А. Шюц, последователь Э. Гуссерля, эту схему дополнил категорией смысла. Исходной точкой для него стал тот факт, что мир имеет значение для меня, но он имеет значение также и для других, при этом эти значения не тождественны, но с необходимостью должны так или иначе коррелировать друг с другом. Базисные допущения относительно устройства этого мира мы принимаем по общему согласию. Они транслируются в процессе социализации, воспринимаются как естественные и не проблематизируются обыденным мышлением. Личностные переживания этого мира, согласно А. Шюцу, носят индивидуальный характер, но, тем не менее, и они подвергаются определенной стандартизации, так как с необходимостью подтверждаются и корректируются опытом других. Мир повседневной жизни следует представлять прежде всего как универсум значений: «Социальный мир, в котором я живу, будучи связанным многочисленными отношениями с другими людьми, является для меня объектом, который я интерпретирую как значимый. Он наделен для меня смыслом, но точно так же я уверен в том, что он наделен смыслом и для других людей тоже» [7, с. 109].

Утверждение категории intersубъективности не переносит центр тяжести с субъекта на некое межсубъектное поле, как это кажется на первый взгляд: «...с феноменологической точки зрения общество — это intersубъективность. Это сообщество монад, это intersубъективный мир... я как трансцендентальный субъект вхожу в intersубъективный мир в качестве центральной монады. Таким образом, intersубъективный мир, пусть не полностью, но является частью мира моих интенциональных объектов» [6, с. 3]. В таком понимании общества раскрываются, как минимум, два аспекта: первый — социальный мир — это мир общих смыслов, второй — я может трактовать эти смыслы исходя из своего личного восприятия.

Что касается первого, то наличие общих смыслов обеспечивает возможность взаимодействия. Если бы социальные субъекты не располагали унифицированным набором значений, никакое сообщение между ними не было бы возможно.

Поэтому intersубъективность и является главным условием коммуникации. С другой стороны, intersубъективность может быть рассмотрена и как результат коммуникации, в рамках которой возникают новые социальные смыслы. В связи с этим представляется необходимым различать два уровня intersубъективности: *intersубъективность как предпосылку и необходимое условие коммуникации, сонстроенность отдельно взятых сознаний, их способность воспринимать друг друга и окружающий мир* и *intersубъективность как совокупность смыслов, рождающихся в процессе коммуникации, имеющих значимость в пределах конкретного общества или отдельно взятого его исторического типа*. В первом случае intersубъективность рассматривается, по существу, субстанционально, а во втором результат коммуникации оказывается не чем иным, как субстанцией. Таким образом, следует отметить, что разделение концепций социальной сущности на субстанциональные и intersубъективные во многом условно, и в связи с этим необходимо преодолеть разрыв между этими двумя моделями.

Intersубъективно-субстанциональная модель предполагает признание двух онтологических начал социального — intersубъективного и субстанционального, взаимосвязанных по принципу генетической связи. Intersубъективность как то, что является неперенным условием коммуникации, сама может быть рассмотрена как субстанция социального, его первоначало в том смысле, в каком она понимается в феноменологии.

Однако в коммуникации конституируются и новые уровни intersубъективности — поля общих социальных смыслов, разделяемых членами коммуникативного сообщества. Эти смыслы могут субстантивироваться и институционализироваться. Со временем они начинают восприниматься как объективно существующие, но уже на стадии формирования проявляется сила их сопротивления внешней среде. Такие субстанциональные формы социальной сущности могут выступать в качестве коммуникативных барьеров, являющихся причиной разрыва интеракций или их низкой эффективности. К ним можно отнести социальные институты, представляющие собой социальные тела, возникшие из определенных смыслов, право на существование которых они защищают. Другим видом коммуникативных барьеров являются социальные структуры, действующие на бессознательном уровне. Субстанциональность социального выражает преемственность между различными формами социальной организации, це-

лостность и единство социальной реальности, интерсубъективность — возможность вмешательства в социальный мир, хотя и ограниченную институциональными рамками.

Благодаря применению модели интерсубъективно-субстанциональной социальности к анализу социальных феноменов современности становится возможным определение объективных закономерностей в развитии общества, предопределенных субстанциональными основаниями, и параметров вариативности социального процесса, задаваемых интерсубъективными основаниями. Социальные структуры устойчивы, но подвержены изменениям, которые возникают в связи с тем, что с течением времени те или иные нормы утрачивают актуальность. Тогда коммуникативным сообществом принимается решение о введении новых норм. Не всякая утвержденная таким образом норма «приживается» в обществе, так как, помимо социальных смыслов, закрепляемых консенсусом, существуют также неконвенциональные смыслы, истоки которых уходят в историю каждой конкретной общности (архаические представления и архетипы) и обусловлены особенностями генезиса социального.

Процессы виртуализации социального в значительной степени усложняют структуру общественного устройства. Они способствуют созданию множества социальных миров и даже альтернативной социальности, зарождающейся в Интернете. Получившие развитие в глобальной сети формы социальной организации позже находят воплощение в реальном мире. Пространство Сети — это прежде всего коммуникативное пространство, поэтому его описание требует обращения к соответствующим философским концептам: «виртуальность (киберпространство) как в узком, так и в широком смысле — это специфическая форма интерактивной коммуникативной реальности, являющая собой по сути альтернативу материальному миру. Поскольку киберпространство предполагает возможность непосредственных контактов с другими виртуальными субъектами, проблема коммуникации подлежит переосмыслению в этом контексте» [1, с. 40].

Социальная реальность сама по себе является в некотором смысле виртуальной, так как в ней означающие зачастую не согласуются с означаемым, и она функционирует за счет постоянного обновления поля символических значений. В современном мире ее виртуальная составляющая приобретает все большее значение. Применение предлагаемой модели интерсубъективно-

субстанциональной социальности позволяет определить границы виртуализации социального, онтологические основания этого процесса и его антропологические последствия. Понимание виртуализации общества как увеличения роли Интернета и информационных технологий в повседневности — всего лишь одна из возможных трактовок. При более детальном изучении данного процесса обнаруживаем, что он приводит к конституированию особого поля социальных смыслов, приобретающего особо значимый статус. В Интернете появляются аналоги существующих в действительности социальных институтов, а некоторые институты полностью перемещаются в виртуальную среду. В Сети зарождаются смыслы, которые впоследствии определяют восприятие событий, происходящих в реальности, миллионами людей. В онлайн параллельно протекает жизнь, наполненная экзистенциально значимыми событиями. Однако эти процессы не безграничны в силу невозможности полной десубстанционализации общества и индивида, и смерть социального, полностью поглощенного «черной дырой» симуляционной реальности, всего лишь один из симулякров эпохи.

Полному уничтожению реальности противостоит ее телесность, которая, даже будучи вынесенной за скобки, не перестает существовать. Таким образом, социальные процессы современности не уничтожают социальность как таковую, но привносят в ее структуру новые элементы или расставляют в ней новые акценты.

Виртуализация по-иному ставит проблему социальной субъектности. На экзистенциальном уровне это выражается в трансформации личности в символического, а скорее виртуального, субъекта. Происходит как бы расщепление субъекта на множество виртуальных субъектов, тождественных продуцируемым единым субъектом текстам. В данном случае определение «виртуальный» не означает лишенный телесности или статуса реального существования. Виртуальный социальный субъект следует понимать по аналогии с фотоном, осуществляющим взаимодействие между двумя электронами: «он существует в течение весьма короткого промежутка времени и не фиксируется средствами наблюдения как отдельная частица; поэтому его называют “виртуальным”, в отличие от свободного фотона, регистрируемого прибором» [1, с. 28]. Такова же судьба виртуального социального субъекта, он осуществляет конкретную коммуникативную функцию и после этого перестает существовать. Каж-

дый индивид как участник компьютерно опосредованных коммуникаций производит множество виртуальных личностей, все из которых несут на себе отпечаток подлинной личности владельца, но ни одна из них не может быть полностью ей тождественна. Поведение пользователя, его манера общаться и активность деятельности напрямую зависят от того, какую задачу он выполняет в данном сегменте пространства Сети.

Специфика Интернета создает условия для появления качественно новых социальных феноменов. Анонимность, возможность осуществления мгновенной связи, участия в коммуникации одновременно со множеством собеседников, изменения уже опубликованной информации — все это составляет преимущество виртуальных взаимодействий. В таких коммуникациях зарождаются новые социальные смыслы, часть из которых не могла бы появиться в офлайне. В конечном итоге мы можем говорить о зарождении особой формы интерсубъективности — виртуальной.

Постепенно люди отказываются от реального личного общения, кажется, что скоро они будут воспринимать друг друга только через посредство экрана, и чтобы вызвать человека на диалог, к нему недостаточно будет подойти и обратиться, а станет необходимым взглянуть на него с монитора компьютера или смартфона, чтобы быть воспринятым. Экран становится универсальным средством коммуникации не только с Другим, но и вообще с внешней средой. Вне зависимости от рода деятельности в ситуации тотальной компьютеризации труда мы большую часть рабочего времени проводим перед экранами различных устройств. После работы наше свободное время занимают так называемые гаджеты. Они предлагают нам развлечения и отдых в аналогичной цифровой форме, и снова мы включаемся в коммуникацию с «экраном». В связи с этим некоторые ученые говорят о смерти индивида и появлении «интравидуала» — человека, жизнь которого сводится к управлению бесконечными инфопотоками [3, с. 116].

Экран становится фундаментальной характеристикой культуры, любая человеческая деятельность — от трудовой до игровой — может быть переформатирована таким образом, что для ее осуществления будет необходимо только наличие дисплея, монитора — того, что для удобства было названо нами выше экраном. Как результат — мир становится плоским. Глубина исчезает не только из визуальных восприятий, но и из смыслов, обмен которыми составляет суть любого об-

щения. Из-за постоянной включенности во множественные коммуникации и различные виды деятельности возникает феномен константно-частичного внимания. Современному человеку тяжело концентрироваться на каком-либо отдельно взятом предмете, и для того, чтобы воспринять хотя бы минимум информации, ему нужно получать ее одновременно из нескольких потоков. Такое парадоксальное восприятие накладывает определенный отпечаток на характер осознания получаемой информации. Чтобы быть доставленным, сообщение должно быть максимально простым и по возможности визуализированным.

На место общения словами приходит общение посредством креолизованных текстов, вбирающих в себя фотографии, картинки, высказывания, элементы мультимедиа. Исчезла необходимость вносить в коммуникацию нечто новое, теперь вполне достаточно выбрать из предложенного набора уже кем-то сформулированную мысль, при этом этот абстрактный кто-то оказывается третьим лишним в моей коммуникации с Другим, вносящим в наш диалог посторонние смыслы.

«Репост» и «лайки» становятся самостоятельной формой общения, но коммуникация может осуществляться и в более простой форме, когда контрагенты просто обмениваются ссылками и скаченными из Сети картинками и видео. В лучшем случае они получают комментарий на свое сообщение, но зачастую — такой же креолизованный текст — набор изображений и слов. Ответ на вопрос, насколько конструктивно такое взаимодействие, возможно ли его считать подлинным общением или оно есть очередное проявление эрзац-культуры, не может быть однозначно положительным или отрицательным. В данном контексте как нельзя к месту будут слова М. Маклюэна о том, что технологии сами по себе не могут быть ни хорошими, ни плохими, все зависит от человека, использующего их. Однако задача философии — обозначить все возможные негативные последствия происходящих в обществе изменений. Очевидно одно — игнорировать эти изменения невозможно. Интерес представляет также тот факт, что виртуальные смыслы, зарождающиеся в процессе таких коммуникаций, становятся такой же частью культуры, как становятся частью культуры пословицы, поговорки, устойчивые выражения, цитаты из классики и киноцитаты.

Главная проблема, связанная с распространением виртуальных коммуникаций, — это избыточность их результатов. Информация, распро-

страняемая через Интернет, носит совершенно иной онтологический статус. Гуманитарная наука еще не выработала определения информационного объекта, в каждом конкретном случае он понимается по аналогии с объектом материального мира с поправкой на перенесение на иной носитель, однако следует полагать, что при этом происходят более глубокие трансформации.

С философской точки зрения изменение среды распространения информации ничего не меняет по сути. Если вернуться к Э. Гуссерлю, то можно заключить, что виртуальные объекты так же, как и материальные, суть объекты интенциональные, а значит — и в первом, и во втором случае действует один и тот же принцип их восприятия моим сознанием. Следовательно, при рассмотрении виртуальных объектов следует учитывать не специфику их восприятия индивидом, а ту особую intersubjectивность, которая зарождается в процессе виртуальных коммуникаций.

Необходимо отметить, что феноменология, по сути, не дает ответа на вопрос, каким образом замкнутые индивиды-монады могут вступать во взаимодействие и обмениваться между собой смыслами. Она скорее демонстрирует фактическую непрозрачность сознания Другого. В коммуникации он не открывается нам полностью, и это обусловлено еще и ограниченностью нашей способности восприятия. Например, мы не можем постичь то, что нам самим не присуще. Набор intersubjectивных смыслов, который доступен нам как членам того или иного сообщества, позволяет расширить горизонты понимания, обогатившись смыслами, которые прививает нам культура вне зависимости от того, близки они нам или нет. Виртуализация способствует расширению этого смыслового поля и заметному усложнению коммуникации. В коммуникацию между Я и Другим включаются также виртуальные субъекты, которые могут как замещать одного из участников коммуникации, так и становиться некими «третьими лишними», привносящими свои смыслы. В свете вышесказанного изучение виртуальной intersubjectивности представляется весьма продуктивным для анализа феноменов современной социальной реальности и ее виртуальных суррогатов.

Список литературы

1. Аршинов В.И., Лебедев М.В. Европейская субъективность и виртуальный субъект постнеклассической науки // Вопросы искусственного интеллекта. 2008. № 1. С. 27–41.

2. Гуссерль Э. Картезианские рассуждения. СПб.: Наука, 1998. 315 с.
3. Кляйненберг Э. Жизнь соло: Новая социальная реальность. М.: Альпина нон-фикшн, 2014. 279 с.
4. Резник Ю.М. Понятие «социальное» в современной философии и науке // Вопросы социальной теории. 2008. Т. II, вып. 1(2). С. 88–111.
5. Свасьян К.А. Феноменологическое познание. Пропедевтика и критика. М.: Академ. проспект: Альма Матер, 2010. 206 с.
6. Слинин А.Я. Феноменология intersubjectивности. СПб.: Наука, 2004. 356 с.
7. Шюц А. Избранное: Мир, светящийся смыслом. М.: Российская политическая энциклопедия, 2004. 1056 с.

Получено 01.05.2015

References

1. Arshinov V.I., Lebedev M.V. [European subjectivity and virtual postnonclassical science subject] *Voprosy iskusstvennogo intellekta* [The issues of artificial intelligence]. 2008, no 1, pp. 27–41. (In Russian).
2. Husserl E. *Kartezijskie rassuzhdenija* [Cartesian meditations]. Saint-Petersburg, Nauka Publ., 1998, 315 p. (In Russian).
3. Klinenberg E. *Zhizn' solo: Novaja social'naja real'nost'* [Going solo: the extraordinary rise and surprising appeal of living alone]. Moscow, Alpina non-fikshn Publ., 2014, 279 p. (In Russian).
4. Reznik Yu.M. [The concept “social” in recent philosophy and science] *Voprosy social'noj teorii* [Issues of the social theory], 2008, vol. 2, no 1(2), pp. 88–111. (In Russian).
5. Svasyan K.A. *Fenomenologicheskoe poznanie. Propedevtika i kritika* [Phenomenological cognition. Propaedeutics and criticism] Moscow, Akademicheskij prospect Publ., 2010, 206 p. (In Russian).
6. Slinin A.Ja. *Fenomenologija intersubektivnosti* [The phenomenology of intersubjectivity]. Saint-Petersburg, Nauka Publ., 2004, 356 p. (In Russian).
7. Schutz A. *Izbrannoe: Mir, svetjashhij'sja smyslom* [Selectas: the world glowing by sense]. Moscow, Russian political encyclopedia Publ., 1056 p. (In Russian).

The date of the manuscript receipt 01.05.2015

Об авторе

Соколова Дина Михайловна

кандидат философских наук,
ответственный за информационную и организа-
ционную работу философского факультета,
магистрант кафедры социальных коммуникаций

Саратовский государственный университет
им. Н.Г. Чернышевского,
410012, Саратов, ул. Астраханская, 83;
e-mail: felkon.87@mail.ru

About the author

Sokolova Dina Mikhailovna

Ph.D. in Philosophy,
Person charged with information and organization
work of Faculty of Philosophy,
Postgraduate Student of Department
of Social communications

Saratov State University named after
N.G. Chernyshevsky,
83, Astrakhanskaya str., Saratov, 410012, Russia;
e-mail: felkon.87@mail.ru

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Соколова Д.М. Виртуальная интерсубъективность: социальный и экзистенциальный аспекты анализа // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2015. Вып. 3(23). С. 50–56.

Please cite this article in English as:

Sokolova D.M. Virtual intersubjectivity: the social and existential aspects of the analysis // Perm University Herald. Series «Philosophy. Psychology. Sociology». 2015. Iss. 3(23). P. 50–56.